

РЕЛИГИЯ И ЭКОЛОГИЯ

УДК 572+574

ТЕОЦЕНТРИЗМ И АНТРОПОЦЕНТРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

© 2012 *Г.М.Абдурахманов, Т.Т.Кулиев,*
Дагестанский Государственный Университет

Статья описывает современную ситуацию в сфере экологического сознания и подходы к оценке биологического разнообразия с позиций антропоцентризма (современная экономическая теория) и теоцентризма (религиозная философия). На основе имеющихся в экономической теории подходов выведена условная схема расчета общей экономической ценности биоразнообразия. Обосновывается ограниченность методов чисто экономической оценки ценности биоразнообразия, приводятся основы религиозно-нравственного подхода к рассмотрению проблемы.

This article describes the modern situation in environmental consciousness and base to assessment of biological diversity from anthropocentrism (the modern economic theory) and theocentrism (religious philosophy) points of view. On the basis of economic theory we derive scheme for calculating the total economic value of biodiversity and then show the limitations of this method and give the basic religious and moral principles to approach the problem.

Ключевые слова: экологическое сознание, религия, биоразнообразии, экономическая оценка.

Keywords: environmental consciousness, religion philosophy, biological diversity, economic value of biodiversity

Современная ситуация в сфере экологического сознания характеризуется чрезвычайной неоднородностью: преобладанием потребительского отношения к природе у подавляющей части населения, непониманием важности сохранения биоразнообразия, падением озабоченности экологическими проблемами в результате снижения жизненного уровня и «привыкания» к ним. Однако, подобное возникло не на пустом месте, ему предшествовало долгое развитие экологических и этических идей в трудах отечественных и зарубежных философов.

Антропоцентризм определяется как философское течение, утверждающее, что этические принципы свойственны только человеку, потребности и интересы которого имеют очень большое, даже исключительное значение и важность. Давно установившейся парадигмой в западной (чуть менее в восточной) философии является убеждение, что люди принадлежат к высшим существам и им дано право главенствовать над существами низшего порядка.

Как считает Л. Уайт, антропоцентрическая установка на покорение природы во многом порождена иудейско-христианским вероучением о человеке как сверхприродном существе и венце творения. Разрушение языческого анимизма означало утверждение безразличия к «самочувствию» природных объектов, что открывало психологическую возможность эксплуатации природы [1]. Произошла десакрализация дикой природы. Язычество считало природу одухотворенной, вместе с божествами заслуживающую уважения и поклонения. Однако, христианство частично отвергло священность, божественность природы, представив ее как творение низшего порядка, призванную служить человеческим потребностям. Более того, природа стала восприниматься как некий «временный барьер» на пути к спасению. Капитализм же вообще превратил землю из священной в источник прибыли. Уайт в конце 60гг. XX века была первым апологетом мнения, что экологический кризис является следствием «ортодоксального христианского высокомерия в отношении природы» [2].

Однако Юджин Харгроув, в отличие от Уайта, не склонен так сильно обвинять религию. «Религия же, хотя и часто критикуется как главный виновник (экологического кризиса - Т.К.), играла намного менее значимую роль. Большинство неприемлемых для экологии идей зародилось не в западной религии, а в философии. Можно утверждать, что религия, постоянно заимствуя у философии, сама стала ее жертвой» [3].

Другие экофилософы склонны видеть начало антропоцентризма в греческой философии. Аристотель считал, что растения существуют для животных, а животные для человека. Учение

Аристотеля в более примитивном виде было изложено его последователем Ксенофантом. Его философия освобождала человека от угрызений совести по поводу судьбы иных существ и приобрела огромную популярность. Католический философ Фома Аквинский развил их мысли, провозгласив, что растения и животные существуют не для себя, а ради человека. Фома Аквинский считал, что так как животные неразумны, то сострадание распространять на них неправильно. Его антропоцентрические идеи начали ставиться под сомнение лишь в XIX веке.

В восточной философии идея о градации существ связана с верой в способность души переходить от одного уровня существования к другому. Джайнизм, например, представляет себе вселенную, разделенную на четыре яруса реальности, на высшей из которых проживают боги, на следующей - люди, адские существа (те, что несут наказание) - на третьей, а растения и животные на низшей.

Свой вклад в развитие антропоцентризма вложил Р. Декарт. Он отказал животным в способности не только думать, но и чувствовать, превратив их в обыкновенные биомеханизмы. Кант заявлял: «...что касается животных, то мы не имеем здесь прямого долга. Животные не имеют сознания и представляют собой только средство для достижения цели. Эта цель – человек» [4]. Способствовало антропоцентризму и учение И.П. Павлова о рефлекторной деятельности у животных.

Свой вклад в антропоцентризм вложили экономисты. Так, известный английский экономист Джон Локк, на которого впоследствии ссылались и Маркс и Джефферсон, считал, что необработанная человеком (девственная) земля не имеет никакой ценности. По его мнению хлеб более ценен чем желуди, вино чем вода, одежда чем листья или шкуры.

Покорение природы человеком защищалось многими философами. Покорение природы, например, по Ф.Бэкону, никогда и никому не вредит и никогда не отягощает совесть чувством вины и раскаяния. Более того, возрастание технической власти человека над природой, ее покорение всегда рассматривалось как способ его самораскрытия и самовыражения. Как справедливо считает Л.Василенко, «подчинение природы стало пониматься свободным от всякой этики. С покорением природы связан и известный лозунг «знание-сила», который имеет мало общего с пониманием знания как истины» [1]. Разум человека стал служить целям покорения и сам стал терять свободу. Отсюда, как полагает Дюпре, кризис человека и его культуры: «все формы сознания оказываются во власти стремления контролировать, захватывать, покорять». [1]

Общее во всех этих философских системах то, что существование людей более ценно, чем существование животных и растений, которые не обладают достоинством и внутренней ценностью. Нечто более важное, более ценное теряет мир, когда умирает человек, нежели медведь или береза. Идея этого так глубоко укоренилась в культуре, что вплоть до середины XX века никто не пытался осмыслить ее критически.

Современный американский экофилософ Пол Тейлор считает, что у человечества имеется три классических аргумента в пользу человеческого превосходства: иудейско-христианский взгляд, что люди были помещены Богом на высшую ступень, и походят на него внешне; взгляд греков, что будущи рациональными существами, люди являются высшими по отношению к животным и растениям по их самой природе; и картезианский взгляд, по которому люди более ценны, так как имеют души, в то время как другие создания имеют лишь тела [5].

Часть объяснения этих мнений лежит в все увеличивающейся власти человека над природным миром. Научное знание означало чаще всего технологическую власть над природой. С властью создавать и уничтожать жизнь по своей прихоти происходит психологическое и моральное отдаление человека от этой жизни. Иные существа начинают рассматриваться как объекты, которыми можно манипулировать по собственному желанию. Чем больше мы способны контролировать живой мир, тем меньше мы его уважаем. Таким образом, мы начинаем смотреть на существа, подконтрольные нам, как на низшие по достоинству. К этому всему нужно добавить распространенные, но необоснованные представления, согласно которым жизнь растений и животных, якобы, скучна и безысходна, и что современная наука якобы доказала, что природа механистична, лишена цели, свободы и чувств.

Хорошим примером, иллюстрирующим вышесказанное, является современная ситуация с оценкой биологического разнообразия на планете. Важной причиной деградации биоразнообразия

является недооценка его реальной ценности, и ценность эту можно измерить нескольких системах счисления, две из которых, экономическая и религиозная, нас и интересуют в рамках данной статьи.

Экономическая ценность более легко поддающийся расчету показатель, ввиду широкого применения разнообразных математических методов в экономике. Но и тут возникают проблемы, связанные со стоимостной оценкой колоссальной сложности природы, ее функций, взаимосвязей, системности и комплексности. Между тем необходимость такой оценки назрела и в теории экономической науки, и в практике природоохраны. Мнимое отсутствие цены у многих природных благ часто приводит к их деградации. Варианты сохранения биоразнообразия постоянно проигрывают соревнование с лесным хозяйством, добывающей промышленностью, сельским хозяйством, так как выгоды от этих секторов экономики зримо, имеют цену.

Для заниженной (или вообще отсутствия) оценки биоразнообразия имеются и объективные экономические предпосылки. Ни централизованно планируемая экономика, ни современная рыночная экономика не могли и, к сожалению, не могут корректно определить ценность природы.

«Экологическая неполноценность» современной экономики признается экономистами. В ходе исследования группы экспертов, выполненного под руководством Р.Констанца (Мэрилендский университет) было выделено 17 категорий функций и услуг природы, среди которых были регулирование климата, газового состава атмосферы, водных ресурсов, образование почвы, переработка отходов, генетические ресурсы и др. Расчеты ученых дали суммарную оценку этих функций в среднем в 35 трлн. долл. в год, что почти вдвое превышает созданный человечеством ВВП (18 трлн. долларов в год). [6]

Учет экономической ценности биоразнообразия имеет существенное значение для принятия правильных решений. Принятие решений в экономике в конечном счете сводится к простейшей формуле – соотношению выгод и затрат. Если выгоды больше затрат, то проект, мероприятие или программа считаются эффективными и пригодными для реализации и обратно. Очевидно, что при отсутствии или занижении оценки биоразнообразия принимается неправильное, антиэкологическое решение. В отсутствие четких экономических методик оценки биологического разнообразия при сопоставлении различных вариантов развития природоохраный вариант проигрывает при сравнении с традиционными решениями.

Учет экономической ценности природы в целом требует стоимостной оценки не менее трех природных функций:

1. обеспечение природными ресурсами;
2. регулирующие функции, ассимиляция отходов и загрязнений;
3. обеспечение людей природными услугами, такими как рекреация, эстетическое удовольствие и пр.

Очевидно, что экономическая ценность биоразнообразия определяется прежде всего второй и третьей функциями. Экономисты-экологи пытаются оценить природные ресурсы и экологические функции, повысить конкурентоспособность природы в борьбе с техногенными решениями. В конечном счете, чем выше экономическая ценность природных объектов, тем больше вероятность, что принятые экономические решения, воплощенные в различных проектах и программах, будут эколого-сбалансированными, учитывать интересы охраны среды и экономии природных ресурсов.

Среди имеющихся в экономической теории подходов к оценке ценности биоразнообразия можно выделить следующие, базирующиеся на:

1. рыночной оценке;
2. ренте;
3. затратном подходе;
4. альтернативной стоимости;
5. общей экономической ценности (стоимости). [6]

Среди этих подходов наиболее перспективной представляется концепция общей экономической ценности (total economic value). Эта концепция конструктивна с точки зрения комплексности подхода к оценке природы, биоразнообразия и попытке учесть не только прямые ресурсные функции, но и регулирующие, ассимиляционные функции, природные услуги. Данная концепция, возникшая совсем недавно, в 90-е годы, получила признание в мире как в теории, так и на практике.

Таким образом, общую экономическую ценность биоразнообразия мы условно представим следующей схемой:

Экономическая ценность биоразнообразия			
Стоимость использования (потребительная стоимость)			Стоимость неиспользования
Прямая стоимость использования (туризм, рекреация, устойчивые охота и рыболовство и т.д.)	Косвенная стоимость использования (глобальные эффекты, экологические функции, связывание углекислого газа, поддержание баланса круговорота элементов, водорегулирующие функции и т.д.)	Стоимость отложенной альтернативы (потенциальные выгоды от консервации в настоящее время и использования в будущем)	Стоимость автономного существования природы (экономическая оценка весьма тонких моментов: социальных, этических и эстетических аспектов)

В России имеются примеры определения ценности биоразнообразия (в основном для особо охраняемых природных территорий) на основе концепции общей экономической ценности [8]. Проведенные расчеты по определению прямой стоимости использования показывают ограниченность и достаточно невысокие экономические оценки для ООПТ. Можно предположить, что основную часть экономической ценности многих ООПТ будет составлять косвенная стоимость использования, связанная с ролью экологического регулирования ООПТ: связывание углерода, водорегулирующие функции, предотвращение эрозии и пр. Особую роль в экономической оценке ООПТ на основе косвенной стоимости использования может сыграть депонирование углерода. Киотский протокол, подписанный всеми развитыми странами и странами с переходной экономикой для предотвращения глобального изменения климата, создает реальные предпосылки для формирования мирового рынка торговли углеродными квотами, что поднимает косвенную стоимость использования до 90-95 % всей экономической ценности ООПТ. В развитых и развивающихся странах проведено довольно много исследований по определению стоимости неиспользования, в основном для редких животных и национальных парков. В основе этих исследований лежат социологические опросы населения по определению экономической оценки уникальных объектов биоразнообразия, потенциальной готовности населения платить за их существование. В экономической теории эти исследования связаны с субъективной оценкой стоимости, так называемой «готовностью платить».

Однако при ближайшем рассмотрении очевидно, что невозможно чисто экономически оценить ценность все природные блага и услуги, включая и биологическое разнообразие. Как, к примеру, точно измерить экономическую ценность уникального растения или птицы? Это, разумеется, невозможно. К тому же, для многих природных благ и услуг нет традиционных рынков, стандартных спроса и предложения.

Религиозная (сакральная) ценность биологического разнообразия основана на взгляде на него как на творение Бога. Именно как творение биоразнообразие и имеет внутреннюю, не зависящую ни от чего и не имеющую стоимостной оценки, ценность.

По нашему мнению, подход к проблеме сохранения биоразнообразия исключительно с экономических и антропоцентрических позиций неполноценен, и, следовательно, малоэффективен. Биологическое разнообразие не просто ресурс, созданный для удовлетворения человеческих нужд. Это, прежде всего, огромное количество жизней, каждая из которых священна, обладает собственным достоинством, целью и свободой.

Как, к примеру, оценивать виды, насчитывающие всего несколько десятков или сотен особей и оттого имеющих ничтожно маленькую рыночную стоимость? Ясно, что неуместен подход к оценке с точки зрения суммарной биомассы вида и его роли в поддержании гомеостаза природной среды. Существуют и случаи, когда стоимостная оценка вообще не возможна: большинство из нас отказалось бы продавать своих близких за любую цену или оценивать их жизни. Слабость исключительно

экономической оценки ценности биоразнообразия в том, что она рассматривает природу только с антропоцентрической точки зрения человеческого благополучия.

Еще О.Леопольд ставил под сомнение чисто экономический метод оценки ценности дикой природы. Он писал: «Каждый американец вдолбил себе в голову, что экономика является делом истинно и истинно выгодным и нужным. Но я могу указать на один ее очень зловредный недостаток. Экология нас учит, что каждая истина не абсолютна. ...Основная слабость в системе сохранения природы базируется на экономических мотивах и заключается в том, что большая часть членов природного сообщества на земле не имеет экономического значения. Когда одной из неэкономических категорий угрожают, и мы любим эту категорию, мы изобретаем уловки, чтобы придать ей экономическую ценность». [7]

На данном этапе исторического развития человечества и в обозримом будущем охрана природы не может стать экономически выгоднее ее эксплуатации. Поэтому всячески развивая методы оценки экономической ценности биоразнообразия необходимо открыто признать их ограниченность. Меры по его сохранению не должны основываться только на выработке критериев оценки экономической ценности, но и затрагивать религиозно-нравственные аспекты. Распространение рыночных ценностей на все среды природоохраны представляет определенную угрозу.

Часто в основании работ экономистов, пытающихся подсчитать экономическую ценность заповедников или биоразнообразия, лежит серьезная методологическая неточность. По их мнению, охрана природы и рациональное использование природных ресурсов – одно и то же. Наиболее рельефно это заблуждение видно при рассмотрении деятельности многих советских природоохранников и их современных последователей. На самом деле налицо два разных понятия: цель рационального использования природных ресурсов – получение большей экономической выгоды для большего количества людей в течение большего времени. В этом случае экономический подсчет уместен. В отличие от рационального использования охрана природы имеет совершенно иную цель – защиту природы ради нее самой, ради того, что и она, наряду с человеком, является творением Бога. То есть убийство животного, рубка дерева, уничтожение участка дикой природы является неправильным, греховным по своей сути. Охрана природы, в отличие от природопользования не пренебрегает моральной составляющей, так же, как правозащитная деятельность, культура, медицина.

С религиозной точки зрения неправильный выглядит и идеализация методов экономической оценки стоимости заповедников. Ведь заповедники, так же как храмы, театры и т.д. – хранилища нематериальных ценностей. Х. Ролстон III призывает держать оставшиеся участки дикой природы вне рыночных отношений: «...армия, полиция, суды, школы, музеи, церкви, научные общества, исторические парки стоят денег и имеют бюджеты, но не являются бизнесом, деловыми предприятиями, от которых ожидалось бы получение прибыли. (...) Их предназначение – производить неденежные ценности. Сохранять дикое тоже стоит определенных денег, хотя и маленькую часть от того, чего стоят другие виды человеческой деятельности». Как считает Ролстон, смыслом анализа природных ценностей должно стать не их приведение к одному экономическому показателю, а демонстрация широкого спектра их типов и уровней. «Мы хотим, чтобы политика защищала эти ценности не потому, что они имеют скрытую экономическую стоимость, а потому, что они вовсе не являются экономическими ценностями». [12]

Государство никогда не сможет получать экономическую выгоду от заповедников, национальных парков, заказников. Заповедное дело всегда убыточная отрасль, так же как музеи, академическая наука, дошкольные учреждения. Но важность их, как правило, доказывается не с точки зрения экономических, а религиозных, этических и других позиций. Настойчивые попытки обосновать чисто экономическую выгоду от природоохранных мероприятий свидетельствуют, что в современном научном сообществе не все в порядке с моралью.

Экофилософ Б. Кэлликотт, один из главных мотивов для утверждения того, что дикая природа имеет внутреннюю ценность состоит в том, чтобы исключить ее из экономической оценки и таким образом вывести за пределы капризов рынка. [9] Люди попытались убрать с рынка человеческое существо, поставив вне закона рабовладение., почему бы не убрать с рынка внутренне ценную дикую природу, поставив вне закона разрушительные для природы виды человеческой деятельности?

Ю.Харгроув вообще ставит под сомнение экономический способ оценки природных ценностей как научный и объективный. По его мнению, власть денег стала преобладающей лишь в последнее столетие, а до этого в обществе почитались иные ценности. Если через некоторое время экономиче-

ские ценности вновь обесценятся, как быть с теми участками дикой природы и видами животных и растений, денежная стоимость которых в свое время оказалась низкой и их отдали на уничтожение? [11]

Испанский ученый Умар Ибрагим Вадилло, обсуждая вопросы исламской этики и экологии пишет: «Изучение экономики – недавнее изобретение, ему примерно 200 лет. Многие считают, что это наука, но это не так. Например, в отношении конкретной экономической ситуации, в зависимости от политики и идеологии пишущего, существует много, часто конфликтующих интерпретаций». По его мнению, в рамках ислама люди должны придерживаться по отношению к природе взгляда, совершенно противоположного взгляду экономики. Согласно исламской модели, то что справедливо, важнее того, что на первый взгляд представляется экономически эффективным. [10]

Опора на чисто экономические расчеты в оценке биоразнообразия опасна и в идеологическом плане, так как лишает природоохранников веских моральных и религиозных аргументов. Итогом такого отношения к проблеме может стать то, природоохранные органы расформируются и передаются в ресурсные министерства, что и произошло в России летом 2000 года. Опора на чисто экономические аргументы в деле сохранения биологического разнообразия в конечном итоге приводит к поражению.

Библиографический список

1. Василенко Л.И., Антропоцентризм и его экологическая критика // Вопросы философии, № 6, 1983, стр. 153-161.
2. Lynn White Jr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // Science, 1967, p.1203-1207.
3. Hargrove Eugene C. Foundations of environmental ethics, New Jersey, Prentice Hall, 1988, 229 p.
4. Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе, М.: МГАВМиБ, 1997, 148 стр.
5. Taylor Paul. Are humans superior to animals and plants? // Environmental ethics, v. 6, 1984, pp. 149-160.
6. Бобылев В.Н. Как оценить биоразнообразие? // Бюллетень Центра экологической политики России. М., 1998, № 5, с. 16-17.
7. Леопольд О. Календарь песчаного графства. М.: Прогресс, 1983. 216 с.
8. Экономика сохранения биоразнообразия. М.: Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, 1995. 118 с.
9. Callicott J. Baird. The land aesthetic, In: Environmental ethics, ed. Louis P. Pojman. Boston-London, Jones and Barlett Publishers, 1994, p. 148-157.
10. Environmental aesthetics. Essays in interpretation, ed. Barry Sadler, Allen Carlson, Western geographical series. Victoria, University of Victoria, 1982. v. 20. 169pp.
11. Hargrove Eugene C.C. Foundations of environmental ethics. New Jersey, Prentice Hall, 1988, 229 pp.
12. Holmes Rolston III. Philosophy gone wild. Buffalo, New York, 1992. 296 pp.

Bibliography

1. Vasilenko L.I., Anthropocentrism and its environmental critics // Philosophy, № 6, 1983, p. 153-161.
2. Lynn White Jr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // Science, 1967, p. 1203-1207.
3. Hargrove Eugene C., 1988. Foundations of environmental ethics, New Jersey, Prentice Hall, 229 p.
4. Pavlova T.N. Bioethics in High School, Moscow: MGAVMiB, 1997, 148 pp.
5. Taylor Paul, 1984. Are humans superior to animals and plants? // Environmental ethics, v. 6, pp. 149-160.
6. Bobylev V.N. How to evaluate the biodiversity? // Bulletin of the Center of Russian Environmental Policy. M., 1998, № 5, с. 16-17
7. Leopold A. A Sand County Almanac. Moscow: Progress Publishers, 1983. 216 p.
8. Economics of biodiversity conservation. Moscow: Ministry of Environment and Natural Resources, 1995. 118p.
9. Callicott J. Baird. The land aesthetic, In: Environmental ethics, ed. Louis P. Pojman. Boston-London, Jones and Barlett Publishers, 1994, p. 148-157.
10. Environmental aesthetics. Essays in interpretation, ed. Barry Sadler, Allen Carlson, Western geographical series. Victoria, University of Victoria, 1982. v. 20. 169pp.
11. Hargrove Eugene C.C. Foundations of environmental ethics. New Jersey, Prentice Hall, 1988, 229 pp.
12. Holmes Rolston III. Philosophy gone wild. Buffalo, New York, 1992. 296 pp.